

Петрищева Наталья Сергеевна

старший преподаватель кафедры истории
государства и права
Юго-Западного государственного университета
dom-hors@mail.ru

**САМАЯ СЕРЬЕЗНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
КАМПАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ
В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.**

Аннотация:

Исторический контекст выборных кампаний в советском государстве в 1920-е гг. созвучен современной ситуации воссоздания подлинной демократии в процессе выборов. Проблемы «теневых» избирательных технологий, использования административного ресурса по-прежнему остаются чрезвычайно актуальными и нередко способствуют росту конфликтности в современном российском обществе. Реорганизация избирательной системы на подлинно демократических началах невозможна без учета опыта организации выборных органов власти, установления связи с историей избирательной системы советского государства.

Ключевые слова:

избирательный процесс, избирательные кампании, перевыборные кампании, выдвиженцы, выборы, советская избирательная система, агитация, пропаганда.

Petrishcheva Natalia Sergeevna

Senior Lecturer of
the History of State and Law Department,
Southwestern State University
dom-hors@mail.ru

**THE MOST SERIOUS
POLITICAL CAMPAIGN:
HISTORICAL EXPERIENCE OF
ORGANIZATION AND CONDUCT OF
ELECTION CAMPAIGNS IN THE KURSK
PROVINCE IN THE LATE 1920-S**

Summary:

The historical context of election campaigns in the Soviet Union in the 1920-s is consonant to the current situation of reconstruction of the genuine democracy in the election process. The problem of shadow electoral technologies, misuse of the administrative resources are still extremely relevant and often determine the growth of conflict in the modern Russian society. The reorganization of the electoral system on the authentic democratic basis is impossible without taking into account the experience of organization of the elected authorities, establishment of association with the history of the electoral system in the Soviet state.

Keywords:

electoral process, electoral campaign, re-election campaign, nominees, elections, Soviet electoral system, agitation, propaganda.

В середине 1920-х гг. избирательные кампании в советские органы власти проходили под строгим контролем и давлением правящей элиты. Советы большей частью представляли собой «учреждения, регистрирующие готовые решения». Выборы не носили характер политической борьбы. Ячейки партии, комсомол, исполкомы проводили кандидатов не идейным завоеванием большинства голосов, а теми или другими механическими манипуляциями (искусственной затяжкой собрания, исключением из списка избирателей неугодных лиц под видом кулаков и т.п.). Избирательная кампания 1924 г. продемонстрировала властям абсолютный провал идеи «широкого народного представительства». В среднем по стране явка избирателей едва достигла кворума в 35 % и варьировала от 30,8 до 36,9 %.

Довыборная кампания 1925 г. благодаря усиленной подготовке и мощной пропаганде обеспечила некоторый успех повторных выборов. Однако ошеломляющих результатов добиться не удалось. В Курской губернии явка крестьян на избирательные участки повысилась, но незначительно – до 32 %. К слову, в среднем по РСФСР в тот год зафиксирована явка в 41 % [1, с. 10, 70–71].

Избирательная кампания 1926 г. должна была не только закрепить, но и усилить успехи прошлогодней кампании. Выборы объявлялись самой «серьезной политической кампанией по сближению рабочего класса с крестьянством», провести ее надлежало с «пунктуальным соблюдением конституционных выборных форм и максимальным привлечением населения», как первую (после гражданской войны) широкую избирательную кампанию. 28 сентября местные партийные организации получили инструктирующее письмо ЦК РКП(б) «Об очередных перевыборах», в котором в весьма усеченном виде были представлены основные задачи избирательной кампании. Образцово-показательным итогом всей работы по перевыборам признавалось «расширение кадров беспартийного рабочего и крестьянского актива, работающего под руководством партии» [2, с. 38].

Что демонстрирует лицемерие высших органов власти в отношении демократизации избирательного процесса и проведении свободных выборов. Выдвижение и избрание беспартийных кандидатов проходило под строгим контролем партии большевиков. А работа беспартийного актива в Советах строилась на основе принципа беспрекословного выполнения всех распоряжений местных партийных ячеек. Таким образом, «проверенные выдвиженцы» руководствовались не собственными идейными соображениями, а слепо следовал доктринальным установкам коммунистической партии.

В рамках продолжения «демократического» курса с 15 октября в Курской губернии начались подготовительные мероприятия. Согласно развернутому календарному плану организационно-технических мероприятий, на переизбрания сельсоветов планировалось потратить весь декабрь, сроки проведения волостных съездов определялись с 1 по 15 января, уездных с 20 по 30 января. Губернский съезд намечалось провести в начале февраля 1926 г.

Стараясь соответствовать последним директивам центра Курский губком на очередном пленарном заседании (25–27 сентября) принял постановление, в котором настоятельно рекомендовал партийным организациям активизироваться и сделать все для вовлечения в советское строительство, как можно больше рабочих и крестьян, утвердить пролетарское руководство Советами, организовать крестьянскую бедноту, укрепить ее союз с середняком, изолировать кулака. Сельским ячейкам и волостным парторганизациям следовало, озаботиться подбором достойных кандидатур среди крестьян, внимательно их изучить, обсудить на партийных и крестьянских собраниях [3].

С целью обеспечения максимального участия населения в выборах, рекомендовалось повсеместно создавать особые агитационно-информационные комиссии, расширить состав волостных и уездных исполкомов, отправить в села партийных работников. Деревенских коммунистов обязали возглавить избирательные собрания, а не выступать в роли сторонних наблюдателей, как это было в 1924–1925 гг. В совокупности все эти рекомендации не были новоиспеченными и носили преимущественно декларативно-административный характер. За исключением вопроса о подборе «лучшего актива». Для низовых советских органов представлялась трудновыполнимой задача определить: «Кто именно активист? Как вести его учет?».

Для верного разрешения этой проблемы губернским комитетом для всех уисполкомов и волисполкомов было подготовлено специальное циркулярное письмо [4]. Согласно этому предписанию, первоначальный отбор лучших представителей должен был провести сельсовет, состоящий в непосредственной близости с рядовым крестьянством. В число актива в первую очередь следовало включать: «...членов сельсовета, сельскохозяйственной кооперации, участников всякого рода объединений, женщин-делегаток, комсомольцев, интересующиеся советским строительством, посещающих сходки и собрания и проявляющие на них себя активно демобилизованных, а так же крестьян, ведущих культурное хозяйство с целью распространения опыта среди односельчан».

Определять уровень активности надлежало путем детального изучения работы организации, в которой состоит намеченный к учету крестьянин-активист. С той же целью необходимо было проводить личные беседы с членами организации, выставлять кандидата для участия в заседаниях. После выявления наиболее «активнейшей массы», за ней устанавливалось пристальное наблюдение. Губернский комитет настоятельно рекомендовал «с этим делом» не спешить: «проводить учет и изучение крестьянского актива не в порядке ударной однодневной работы, а последовательно в процессе всей работы Советов» [5]. В результате формировалась особая группа, из которой в любой момент можно было выбрать претендента на ту или иную должность.

Все лучшие кадры должны были пройти своеобразную фильтрацию в 3-х инстанциях: активистов крестьян, работающих в селе и выдвигаемых на волостную работу, учитывал волисполком, на уездную работу – уисполком, выдвиженцев на губернскую работу – губисполком. На каждого выдвинутого активиста заполнялась анкета и составлялась характеристика, согласованная с соответствующими низовыми советскими и общественными организациями. Сведения, полученные из анкеты и характеристики, суммировались в контрольной карточке, где впоследствии отражались все отметки о работе выдвиженца. Завершающим этапом являлось вывешивание списков для всеобщего одобрения и правильной ориентации населения [6].

Столь тщательный отбор кадров обозначил известную трансформацию политического курса, проявившуюся в полной мере в первые месяцы 1926 г. Несмотря на то, что осенние предвыборные мероприятия проходили еще в русле утвердившегося весной 1925 г. курса «на дальнейшее широкое привлечение беспартийных», было очевидно, что время политической либерализации истекло.

Предвыборная работа проходила по стандартной схеме. Центр требовал усилить отчетность перед избирателями о проделанной работе – в губернии отчитались 1 245 сельсоветов, 677 – волисполкомов. По каждому отчету было сделано от 20 до 25 докладов [7]. Отдаленность

избирательных участков сказывалась на снижении активности населения – разукрупнили сельские советы: вместо 1 212 советов образовали 1 691. Количество избирательных участков увеличилось втрое и составило 4 484 [8]. Окончательно было утверждено и впервые применено в Курской губернии повесточно-адресное уведомление населения. Сроки подготовки и проведения предвыборной кампании увеличились вдвое. Улучшилась организационно-техническая работа.

В целом, как по РСФСР, так и в Курской губернии явка населения на избирательные участки возросла. По РСФСР в среднем она составила 47,3 % (в 1925 г. – 41,1 %), в Курской губернии – 40,2 %. (в 1925 г. – 32,2 %) [9].

В отношении представленных данных вполне справедливым выглядит наблюдение председателя губернской избирательной комиссии Ф.М. Фрундина. В своем докладе «Об итогах избирательной кампании», автор акцентирует внимание на достоверности полученных результатов: «...40,2 % в этом году более реальные, чем 32,2 % прошлогодние. Это видно по тем обследованиям, которые мы провели в феврале и марте 1925 г., 32,2 % надо подвергать большому сомнению, очевидно в прошлом году было не более 20 %» [10].

Представленная в Москву выборная статистика, вне всякого сомнения, требует критического к себе отношения. «Завышению» показателей было на тот момент обыденным явлением. По этой причине, возможно, столь неравномерно выглядят результаты выборов по отдельным избирательным участкам. Так, «В Белгородском уезде в одном большом селе еле-еле наскребли 35 %, а там где мельче участок активность достигала 60–70 %» [11]. Хотя, признаем, что активность населения Курской губернии в некоторой степени выровнялась, что подтверждено в отчете. «Если в прошлом году, – докладывалось, – у нас было 44 % по Рыльскому уезду, 17,5 – Грайворонскому, то в этом году у нас нет такого колебания. Минимум в Рыльском уезде – 39,9 %, максимум по Льговскому – 42,5 %. Теперь и Грайворонский выдвинулся и имеет 40,3 %» [12]. Произошло некоторое обновление руководящих структур. Среди членов сельсоветов избранные впервые составили 49,5 % (14 435 чел.), состав председателей сельсоветов обновился на 47,7 % (802 чел.), делегатов волостного съезда – на 35,8 % (285 чел.), председателей волисполкомов – на 19,2 % (14 чел.) [13].

Между тем, очевидно, что так называемое обновление кадрового состава происходило в низших управленческих звеньях. А чем выше был уровень руководящего органа, тем в меньшей степени он подвергался сменяемости. Работа в сельских Советах была обременительна и малоприбыльна, поэтому здесь кадры не задерживались. А более-менее способные руководители перебрасывались на полупрофессиональные и профессиональные вышестоящие должности.

В отношении партийного состава отметим, что среди делегатов губернских и уездных съездов подавляющее большинство коммунистов 66 % и 53,5 %. Несколько снизился процент членов РКП(б) в составе председателей волисполкомов 91,5 % (в 1925 г. – 100 %). В составе сельских Советов, где коммунистов традиционно было абсолютное меньшинство, наоборот произошло некоторое увеличение 4,1 % (в 1925 г. – 3,7 %) [14]. Незначительный рост отмечается так же в увеличении представительства женского населения губернии. Председателями сельсоветов стали 9 женщин (0,5 %), весной 1925 г. – 3 (0,3 %). В волостные исполнительные комитеты избрано 68 женщин (9,3 %) против прошлогодних 8-ми чел. [15].

Безусловно, определенный успех кампании обеспечило сокращение количества лишенных избирательных прав с 16 000 до 12 000 чел. [16, с. 20]. Однако эти цифры ни в коем случае не означали восстановления в правах лиц, сохранивших свой социальный статус. Как правило, предоставление избирательных прав находилось в прямой зависимости от степени доказанной лояльности по отношению к советской власти. Убедительным аргументом такой лояльности являлся отказ от частной предпринимательской деятельности и переход на работу в общественно-государственный сектор. С середины 1920-х гг. социальная структура советского общества стала стремительно меняться. В лишенцах остались в основном лица, связанные со службой в дореволюционных структурах.

Анализируя результаты 1926 г., губернские руководители признали их вполне удовлетворительными. В архивных документах зафиксировано всего 3 случая кассации выборов в Курском районе и 14 – в Рыльском [17]. «Дисциплинированные работники» приложили максимум усилий для получения «нужных» результатов, в очередной раз, продемонстрировав умение старательно претворять в жизнь все распоряжения центра.

Попытка отказа от прямого административного давления со стороны партийных организаций принесла свои положительные плоды. Крестьяне были готовы к компромиссу с властями. В большинстве волостей выборы проходили персонально, списки не допускались. Опасения низовых работников, что в данном случае их ждет неминуемый провал, не подтвердились. Наоборот, кандидатуры «нежелательных людей, которые себя опорочили или чем-нибудь злоупотребляли», не прошли. В целом кампания 1926 г. получила статус переходной от старых методов партийного руководства к новым формам работы. Тем не менее, XIV партсъезд окон-

чательно утвердил новую официальную трактовку НЭПа, согласно которой курс на развитие сельского хозяйства не был прерван, но индустриализация признавалась первоочередной и главной задачей. Практическое воплощение этой идеи целиком и полностью нашло свое отражение в последующих избирательных кампаниях.

Ссылки:

1. Выборы в Советы в РСФСР в 1925–1926 гг. (Предварительные итоги). М., 1926.
2. Кононов Н.Г. Ни хлебом единым. Курск, 2000.
3. Там же. С. 38.
4. ГАКО Ф. Р. 325. Оп. 1. Д. 1115. Л. 71.
5. Там же.
6. Там же.
7. ГАКО Ф. Р. 325. Оп. 1. Д. 11. Л. 26–28.
8. Там же.
9. Выборы в Советы ... С. 22, 70–71, 76–77.
10. ГАКО Ф. Р. 325. Оп. 1. Д. 11. Л. 26–28.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Отчет XIII Губернскому съезду Советов. Курск, 1926.
17. ГАКО Ф. Р. 325. Оп. 1. Д. 11. Л. 26–28.

References:

1. *Elections to the Soviets in the USSR in 1925-1926 years. (Preliminary results) 1926, Moscow.*
2. Kononov, NG 2000, *No bread alone*, Kursk.
3. Kononov, NG 2000, *No bread alone*, Kursk, p. 38.
4. GAKO fr 325, op. 1, d. 1115, l. 71.
5. GAKO fr 325, op. 1, d. 1115, l. 71.
6. GAKO fr 325, op. 1, d. 1115, l. 71.
7. GAKO fr 325, op. 1, d. 11, l. 26-28.
8. GAKO fr 325, op. 1, d. 11, l. 26-28.
9. *Elections to the Soviets in the USSR in 1925-1926 years. (Preliminary results) 1926, Moscow, pp. 22, 70-71, 76-77.*
10. GAKO fr 325, op. 1, d. 11, l. 26-28.
11. GAKO fr 325, op. 1, d. 11, l. 26-28.
12. GAKO fr 325, op. 1, d. 11, l. 26-28.
13. GAKO fr 325, op. 1, d. 11, l. 26-28.
14. GAKO fr 325, op. 1, d. 11, l. 26-28.
15. GAKO fr 325, op. 1, d. 11, l. 26-28.
16. *Report XIII Provincial Congress of Soviets 1926, Kursk.*
17. GAKO fr 325, op. 1, d. 11, l. 26-28.